

АНАТОЛИЙ ИВАНОВ

чайно главным героем произведений Иванова стал народ — его правда, его мудрость, его мечта о светлой доле: народ — герой и «вечного зова», и романа «Тени исчезают в полдень», и повести «Жизнь на грешной земле», и созданных на основе этих литературных произведений художественных фильмов, нашедших широчайшее признание у миллионов читателей и зрителей.

Книги Анатолия Иванова — плод самой жизни, судьбы художника: в них его опыт и, конечно, его биография.

Большое, многолюдное селение Шемонаиха в Восточном Казахстане, протекающая возле него светлая, радующая глаз горная река, необозримые степные просторы, усеянные песчаными разноцветьем луга, темнеющие вдали густой зеленью леса, крапчатые отроги поэтического и суровый мир озарили Ивана незабываемыми моральными пейзажами, улетая за пределы гор, о бесконечных лесных дебрях, о глубоких, как бездонное небо, озерах. Здесь складывался характер писателя, определялся его духовные воззрения, его творческая фантазия.

Анатолий Иванов всегда благодарен судьбе, что к памятным годам, прошедшим в родной Шемонаихе, к поре студенческой в Алма-Атинском университете и службе в Советской Армии в Приамурье прибавилось еще более трех лет напряженной работы редактором районной газеты в селе Мошново, Новосибирской области. Через руки редактора еженедельно проходили десятки писем колхозников, механизаторов, сельской интеллигенции — свидетелей жизни Ивана часто вспоминались, беседовал в поле, на заимках, на собраньях... Это ли не богатый материал для любознательного и вдумчивого литератора? Здесь откладывались в копилку памяти различные характеры, образные народным языком подлинные художественная палитра будущего писателя. И, конечно, не случайно с

рисованы настолько правдиво, красочно, осязаемо, что с ними, как с живыми, хочется встретиться в той обстановке, где они болят, трудились, мечтали, страдали и радовались, пролаяв добрые качества русского характера. Хочется непременно побывать в райкоме у Поликарпа Кружиллина, когда он проводит заседание бюро или принимает посетителя, послушать его мудрые житейские советы, добрые слова, западающие в душу и согревающие сердце... Поехать в Зеленый Дол, увидеть реку Светлиху и взойти на утес, чтобы склонить голову над могилкой неистовой Марьи Вороновой. А затем заглянуть в правление колхоза к Захару Большакову, пожать его руку, увидеть его светлую улыбку... А от него — прямо к Михайловку, в полевую бригаду к Панкрату Назарову, чтобы заставить его на деревенском скрипучем топчале в те знаменательные минуты, когда он встречается с Кружиллиным и Субботиным, чтобы прислушаться к удивительно точному, емкому и выразительному слову, пригласиться к само-

бытному характеру русского человека-труженика, подвизника, живущего для людей, Панкрат Назаров больше всего привлекает нас своим образным и ярким словом, как бы подтверждающим ту неоспоримую истину, высказанную Львом Николаевичем Толстым, что «главное, если не единственное средство изображения характера, «язык», то есть то, чтобы каждое лицо говорило своим, свойственным его характеру, языком».

Надобно отдать должное автору «вечного зова», он прекрасный мастер «словесной живописи». Отточенное чувство слова дает

степление колхозов и совхозов, механизация сельского хозяйства — вся эта сложная и величественная в своем поступательном движении жизнь привлекает писателя. Он внимательно присматривается к нашим будням, к сложностям людских отношений, и его никогда не покидает желание глубже окупаться в действительность, распознать, следовать ее творца и созидателя — человека труда.

В литературоведении нет-нет да и разгораются споры о романе. Двадцатый век со своими стремительными ритмами как бы поставил знак вопроса над самим существованием этого жанра, столь блестяще расцветшего в предыдущем столетии. Но все теоретические споры и сомнения угадуют, когда вчитываешься в такое произведение, как «вечный зов». Оно вплитало в себя лучшие черты русского классического романа XIX века: напряженную идею, пристальное искание истины, устремленность к постижению основных вопросов человеческого бытия. И в то же время роман Анатолия Иванова — ярчайшее произведение искусства социалистического реализма. Не случайно критики, анализируя «вечный зов», говорят о преемственности и развитии в этом произведении традиций шолоховского «Тихого Дона». Нравственная и философская концепция Анатолия Иванова созвучна нашей эпохе — он ее талантливый исследователь и выразитель.

Заметным явлением культуры нашей жизни нашей страны стали и многосерийные фильмы, созданные по произведениям писателя. С кино- и телеэкранов шагнул к нам уже знакомые герои, и еще полнее раскрылись их характеры, еще больший общественный резонанс получило творчество Иванова.

Писатель находится в расцвете творческих сил. Его талант от произведения к произведению мужает и крепнет. Хочется от всей души пожелать ему новых успехов в создании еще более ярких, еще более выдающихся характеров советских людей.

Ник. ЕСЕЛЕВ

№ "Огонек" 1 1978, № 10.

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Анатолий Иванов, высшей вехой которого стал роман «Вечный зов», талант художника раскрылся в нем особенно полно и ярко. Мы стали свидетелями еще одной удивительной страницы народной жизни, крутых, часто трагических изломов судеб человеческих. Весь двадцатый век открылся глазам читателей. Сколько событий, сколько материала вместило в себя это многоплановое произведение! Писатель шел к этому роману постепенно, проникая в недра народных характеров, постигая судьбы поколений, освещая огромный исторический материал, наследуя высокие гражданские традиции лучших представителей русской классической литературы. Его широкомасштабные, охватывающие целые пласты времени повествования о доле народной культуры, литературного порядка, но и яркого общественно-го звучания.

Анатолий Иванов исследует человеческие судьбы на самых резких поворотах бытия. Он как бы бросает своих героев в горнило жизни такой, за которой стоит живая история нации. И не слу-

таким знанием характеров и ситуации отображает Анатолий Иванов своеобразный мир сибирской деревни. Мощно и ярко показаны в них многогранные картины жизни Локтеи, Зеленого Дола, Михайловки, Шамтары. Судьбы людские проходят перед нами почти за семь десятилетий — с начала века и до семидесятых годов. Жизнь патриархальная, с темнотой, невежеством и дикостью, перемежается со взлетом передовой революционной мысли и действия; жизнь свободная, проложившая людям труда дорогу к знаниям и свету, преобразившая отсталого сибиряка в эпического героя-попавшего в эпицентр событий, в бескомпромиссном противостоянии добра и зла, света и тьмы. Но художественное и нравственное значение книг Анатолия Иванова не ограничивается рамками Сибири и выходит далеко за ее пределы.

Происходит это потому, что произведения Иванова глубоко философичны. В тугой узел сплетены в них характеры героев и обстоятельства их жизни. Человек рожден для счастья, добра и любви, следуя гуманистическим традициям русской классики, утверждает писатель.

Анатолий Иванов создал десятки образов, мимо которых не может пройти равнодушно самый взыскательный читатель. Они на-

писателю возможность воплотить свои мысли в совершенной художественной форме: глубокие философские проблемы, которые поднимает Иванов, обретают мощную обобщающую силу.

«Жизнь человеческая, как недовечный костер. Вспыхнет он, отгорит, отполаживает, освещая вокруг себя большой или малый круг сочек вечного и беспредельного пространства, рано или поздно огонь обессилит, увянет окончательно, дрова превратятся в золу. Потом и прах этот развеется по земле, зарастет кустрище травой, и эту траву будет волновать тот же ветер, который раздувал когда-то огонь...»

Как характерны эти несколько строк для стиля Анатолия Иванова! Мысль художника передается емким, зримым образом, многогранно и выразительно.

Проникновенно в глубины народных характеров помогла Анатолию Иванову постоянная связь с жизнью простых людей, тружеников Сибири. Он с малых лет впитывал все, чем жил, что чувствовал, о чем мечтал и что создавал человек труда. Бурный расцвет производительных сил Сибири, переустройство деревни,